

Сын Рима

— Ego desoptron een, opos aee vlepis mi, — напевал гребец, навалившись на вёсла.

— Если бы я только мог стать зеркалом, чтобы ты всегда смотрела на меня, — пел Грифон, его голос был мягким и сладким как мёд. Ещё девять голосов на почти таком же количестве языков поднялись, исполняя свои чужеземные песнопения в той же каденции.

— Ego heeton genimin, opos aee foris mae!

— Если бы я только мог стать мантией, чтобы ты всегда носила меня!

Грифон сидел на своём троне из нагромождённых скамеек, каким-то образом переводя Фракийскую морскую песню так, что каждый человек на борту мог разобрать её, независимо от их основного языка. Включая меня. Гребцы стояли и ритмично тянули весла, работая с практической лёгкостью людей, которых заставляли выдерживать гораздо более тяжёлые нагрузки в течение гораздо более длительных периодов времени.

— Idor thelo genesthe, opos se hrota looso.

— Если бы только я мог стать водой, чтобы я мог омыть твою кожу.

— Opos, opos, opos se hrota looso!

— Чтобы, чтобы, чтобы я мог омыть твою кожу! — Грифон покосился на меня через весь корабль, пока наши новые гребцы вторили ему в песне. Когда я спросил его, почему он больше не управляется вёслами своими панкратионовскими руками, он пожал плечами и спросил, зачем ему это делать, когда на палубе есть настоящие моряки. С тех пор он просто нежился на солнце, обнажённый до пояса, если не считать золотого ожерелья с алым кулоном и пары лавровых корон, которые он почему-то всё ещё носил на бицепсах.

— Ты не поёшь, потому что не понимаешь, или потому что тебе всё равно? — спросил я мальчишку-пирата рядом со мной. Обвязанный такелажными тросами, он не мог ничего сделать, кроме как прорычать и плюнуть в ответ. — Понятно.

Мальчик был именно таким, каким я представлял себе пирата, только меньшего размера. Мой наставник в детстве описывал рыжеволосых как лис и воров, лишённых добродетели и чаще всего обречённых на жизнь в море — потому что, конечно же, цивилизованное общество их не примет. Мой двоюродный дедушка описывал пиратов как непочтительных бродяг, мошенников и разбойников.

Мальчик, безусловно, был виновен по всем пунктам. Даже после того, как Грифон устроил ему взбучку за внезапное нападение, он, как демон, пытался выбраться за борт долго после того, как его рабская галера скрылась за горизонтом. В конце концов, он сменил тактику на мятеж. К несчастью для него, всё, что он получил за его упорство, это ещё несколько пощёчин и моток

такелажного каната. С тех пор он предпочитал дуться и делать из себя неудобство.

Я не был уверен, что заставило Грифона взять его с нами, но бывший Молодой Аристократ, похоже, был доволен тем, что шлёпал пирата, когда тот выходил за рамки, и в остальном позволял ему тушиться. Пока что, я позволю это.

В конце концов, были и более насущные дела. Вдали вырисовывалась Олимпия.

Пока что город был лишь цветным пятном на горизонте, но мы прибудем туда достаточно скоро. И тогда путешествие начнётся в полном объёме. Мои дни были сочтены с того самого дня год назад, но, глядя на далёкий берег, это всё казалось слишком реальным. Мои пальцы барабанили по поручню Эоса. Я склонился рядом с фигурой корабля, женщиной в струящихся одеждах из резного дерева, обеими руками обхватившая свои щёки. Мы оба созерцали сушу Греции по мере приближения.

— Почему бы тебе не поработать своими лёгкими, вместо того чтобы тяготить свои извилины? — спросил Грифон, облокотившись рядом со мной на поручень. Рыжеволосый мальчишка-пират выругался на неизвестном мне языке и шарахнулся в сторону, я услышал щелчок в его лодыжках. Грифон пинком отправил его на палубу. — Нам бы не помешал ещё один баритон.

— Я не пою.

— Как, блять, ты не поёшь. Что за человек умеет играть на лире, но не поёт?

— Тот, у кого голос не подходит для этого, — язвительно сказал я.

— Для Хабура это будет много значить, — подтолкнул Грифон. Он наклонил голову к Фракийцу, который в данный момент выводил очередной куплет. Остальные гребцы подпевали, но без перевода Грифона они просто подражали его словам как могли. — Просто посмотри на него. Его сердце может разорваться, если ты, его отец, не присоединишься к нему для куплета.

— *Ke sandalon genimin monon posin pati mae!*

Грифон фыркнул от смеха. Я взглянул на него, но он только покачал головой: «Старый ублюдок», — пробормотал он, усмехаясь.

— Как ты их всех понимаешь? — спросил я, не в силах больше сдерживать своё любопытство. И тут же пожалел об этом. Грифон ухмыльнулся, радуясь тому, что знает что-то, чего не знаю я.

— Неважно, мне всё равно.

— Ничего подобного, — укорил он. — Ни один человек не знает всё, в этом нет ничего постыдного.

Я закатил глаза: «Ты переводишь слова Фракийца, и каким-то образом каждый человек на этом корабле понимает тебя достаточно хорошо, чтобы повторить их на своём языке. Я точно знаю, что это не Аликонский, и я не знаю других языков, кроме Латыни».

— Откуда ты знаешь, что я говорю не на Аликоне? — спросил Грифон, с любопытством.

— Я пытался поговорить с мальчиком. Он не говорит на этом языке. Но он всё равно понимает, что ты говоришь.

Грифон оглянулся через плечо на связанного пирата, который в данный момент пытался

встать на качающейся палубе со связанными конечностями. Гребцы наблюдали за ним с разной степенью злобного веселья. Никто из них пока не пытался ударить мальчишку, но это, скорее всего, было связано с нашим присутствием, чем с чем-то ещё.

— Может быть, этот маленький засранец просто не хотел говорить, — предложил он.

— А может, ты лжец, — сказал я.

— Моё добродетельное сердце не потерпит подобных обвинений.

— Твоё добродетельное сердце может толочь песок. Храни свои секреты - для меня это не имеет значения.

Грифон провёл рукой по развевающимся на ветру волосам, алые глаза устремились на далёкие берега Олимпии: «Что ты действительно знаешь о Греции, Сол? — спросил он в конце концов. — У тебя был какой-то наставник, говоривший на Аликоне, но чему он научил тебя об этом мире, в который ты собираешься отправиться? Ты говоришь, что отделишься от меня, как будто это действительно так просто, когда ты не можешь говорить на языках и не имеешь ни малейшего представления о том, куда ты идёшь. Для того, кто культивирует добродетель, чтобы бросить вызов Судьбам, ты слишком много им доверяешь».

Долгое время я ничего не отвечал. В окружении бывшего Молодого Аристократа легко было стать самодовольным, запутаться в его расслабленном ритме и забыть, что за завесой непринуждённого высокомерия скрывается нечто похожее на проницательный ум.

— Мой наставник был из Олимпии, — наконец сказал я. — Он научил меня всему, чему мог, за то время, что у него было, но мой отец забрал меня в легионы прежде, чем он смог закончить работу. Я знаю... достаточно. Но если я смогу найти его здесь...

— ... то ты сможешь заполнить пустые места, — сказал Грифон, кивнув. — А после этого? Был ли твой наставник настолько великим человеком, что его полное учение даст тебе силы уничтожить весь Карфаген?

Моё молчание было достаточным ответом.

— Если предположить, что этот человек всё ещё живёт здесь, или вообще ещё жив, что заставляет тебя думать, что у него будет время обучать тебя, как он когда-то делал? Полагаю, тогда он делал это не бесплатно.

Я нахмурился. Мои кулаки сжимались и разжимались.

— Что ты будешь делать, если он не будет учить тебя, или ты никогда не найдёшь его? Присоединишься к другому культу тайн и будешь выкачивать из них ресурсы для культивации? Бродить в одиночестве по свободному Средиземноморью, пока чудесным образом не станешь достаточно сильным, чтобы бросить вызов небесам и сразить всех своих врагов? Может, вступишь в местный мальчишеский дом?

— А чем ты отличаешься? — резко спросил я. — Чем "путешествовать в поисках свободы" лучше? Мы оба бродяги, в конце концов.

— Совершенно верно, — согласился Грифон. — Но я бродяга, который хорошо проводит время.

Я усмехнулся.

— Тогда я спросил тебя, хочешь ли ты увидеть мир, — сказал он. Я вспомнил освещённые звёздами пруды, как мы осушали их ложками, а потом снова наливали воду, чтобы у нас был повод продолжить разговор о землях, которые мы никогда не видели. — Теперь, когда у тебя есть возможность, когда у тебя есть шанс стать свободным, ты бросаешь его ради долга перед городом, которого больше не существует.

— Нет.

Он посмотрел на меня: «Хо? Я не прав?»

— Не перед Римом. — Рим был ответственность таких людей как Гай, тиранов Республики. Моя была гораздо меньше по масштабам. — Долг перед моей женой и тремя тысячами легионеров.

Грифон моргнул: «У тебя есть жена?»

— У меня была жена.

Соль и пепел.

Загорелая и мускулистая рука легла мне на плечи. Я напрягся, но не сбросил её. Мои зубы скрипели, кулаки сжимались и разжимались. Грифон не сделал никаких умных замечаний, никаких намёков на свободу от другого типа рабства, как я наполовину ожидал от него. Думаю, я бы разорвал корабль на части, если бы он это сделал.

— Я думал об этом с того дня. — Когда я заговорила, мой голос был грубым. Как жалко. Греческий образ жизни, похоже, добрался до меня. — Даже в цепях я думал об этом. Что я сделаю и как я это сделаю. Но я так слаб. — Я ударил кулаком по перилам, дерево застонало даже без веса моей пневмы.

— У меня нет семьи, нет ресурсов, нет товарищей по оружию. Моего города больше нет. У меня есть только одна связь с этим народом, и он, возможно, не захочет иметь со мной ничего общего, если я вообще смогу найти его. Я один в этом мире. Я потерян!

— Нет.

— Нет? — рыкнул я, поворачиваясь к нему.

— Ты был потерян, — просто сказал Грифон. — Но я нашёл тебя.

Я уставился на него, на три тысячи разных лиц, наложенных на его собственное. Люди, которые доверяли мне, и которых я подвёл. Я не мог сделать это снова. Я не мог подвести ещё одного.

Я оттолкнул его руку, но Грифон лишь закинул руки из намерения панкратиона на мои плечи, прижимая меня к перилам. Мои глаза сузились, гравитас собрался в моей руке.

— На востоке есть целый мир, — сказал Грифон, алые глаза были яркими и пристальными, пока мы приближались к Олимпии. На горизонте медленно появлялись детали. Гора, и то, что

выглядело как приближающаяся буря. — И только потому что мне не нужно никуда идти, не значит что я не планирую никуда не идти. У меня есть тысяча тысяч вещей, которые я хочу увидеть, Сол. Я хочу узнать всё, чего я не знаю, и когда я это сделаю, я хочу узнать всё, чего я никогда не знал, что я не знаю.

— Это только естественно, что в процессе я стану могущественным. Это просто справедливо, что я приобрету небывалую славу в течение моей жизни. И ты будешь таким же.

Грифон по-мальчишески ухмыльнулся: «Сын Рима, твоё будущее безнадежно мрачно. Почему бы тебе не насладиться жизнью, пока оно не наступило?»

— Monon, monon, monon posin pati!

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3166031>